

14 февраля 1982 г.

Рампа

«ВЕРЮ, ЧТО ЗРИТЕЛЮ ДАНО ТО ЖЕ СЧАСТЬЕ ВНИКАТЬ В ЗАМЫСЛ СПЕКТАКЛЯ, ЧТО И ПРОФЕССИОНАЛЬНОМУ КРИТИКУ, НО У ПРОСТОГО ЗРИТЕЛЯ ДЛЯ ЭТОГО СВОЙ ПУТЬ. ОН ДУМАЕТ СЕРДЦЕМ».

«В театре есть таинство», —

говорит артист Горьковского академического театра драмы народный артист РСФСР В. В. Вихров

счастье, хочу вас спросить вообще, а что такое счастье? Известно, что это каждый понимает по-своему, но все же, на ваш взгляд!

— Недавно верно было замечено Федором Абрамовым, что вот понятие несчастья определить легко, оно всегда конкретно, ясно. Я могу лишь сказать, что понятие счастья у человека трансформируется с годами. Хорошо выполненная тобой работа, признание твоих дел, мир, благополучие в семье — все это моменты, когда к нам приходит состояние счастья. Надо уметь только этим состоянием наполняться, быть открытым душой для него...

— Чему бы вы, актер, хотели научить молодых — и сына своего, и учеников по театральному училищу? Естественно, я спрашиваю не просто о каких-то профессиональных навыках, а о самой, что ли, нравственной сердцевине понимания вами театра, актерского ремесла.

— Вообще-то для меня учить чему-то — это прежде всего как раз думать о профессиональных навыках. Общим понятиям учить трудно, невозможно, для меня. Правда, я хотел бы, чтобы сын, ученики мои не повторяли моих ошибок. Когда проживешь

жизнь в театре и думаешь, если бы начать все сначала... Молодым не следует терять много времени на раскату, на ерунду всякую. Надо идти стремительно, не теряя времени, к профессиональному мастерству. С самых первых шагов не надо растрчивать себя на пустяки. Не надо тешить себя такими доводами: сегодня я займусь чем-то не главным, а вот завтра... Сегодня и сейчас, не пеняя ни на какие обстоятельства, надо думать и работать над главным.

— Мой театральный учитель Н. А. Левков говорил о том, что актеру необходимо быть требовательным к себе. Это же я повторяю своим ученикам. В учебном классе сидят

отдавать себя людям. Без таких жизненных встреч, я думаю, никакое воспитание и самовоспитание невозможно, потому что, скажем, у всех учеников В. А. Лебского осталось в душе что-то необыкновенное, что повлияло на его формирование.

В искусстве боюсь рецептов. Когда кто-то произносит: «Мне нравится это», не надо такие слова понимать рецептурно — вроде бы и тебе должно нравиться. У каждого своя тропа к прекрасному, и пусть она будет, как и искусство, индивидуальной. Когда-то, очень уже давно, на меня огромное впечатление произвела картина Куинджи «Лунная

скажем, и Михаил Ульянов в фильме «Председатель». Его энергия, испепеляющая самоотдача — загадка искусства.

В общении с искусством важен диалог. Мои ученики по театральному училищу как-то один за другим начали выбирать для чтения отрывки из Достоевского. И вот разговоры о писателе, разбор фрагментов его книг заставили меня перечитать их заново. Я открыл для себя потрясающий мир. Открыл именно благодаря разговорам вокруг Достоевского, поэтому мне-то кажется, что и беседы об искусстве можно превратить для себя в процесс творческий, воспитательный.

— Вы пришли в театр це-

лым актерским поколением. Черты этого поколения — честность в отношении к себе и другим, коллективизм, мужество в работе, умение думать о благе, счастье близких и далеких людей — я вижу в ваших героях, в своеобразной вашей актерской «трилогии» — Сакулин [«Обратная связь»], Никитин [«Берег»] и Бачана [«Закон вечности»]. А чем вам дороги эти люди [я говорю именно люди, а не герои, потому что усматриваю совершенно особое ваше отношение к ним]!

— Я даже вначале боялся повториться, так похожи между собой, скажем, Никитин и Бачана. Оба — люди цельные, одного поколения. Про-

фессия у них одна. Но потом подумалось, что ведь я люблю этих людей и они все равно на сцене частица меня самого, а значит, похожи. Мне хотелось пойти еще дальше — передать в них духовное родство. Это люди, которых мы, по их поступкам прежде всего, называем коммунистами. Они умеют видеть в жизни главное, как Ленин говорил, из цепи всегда ухватить главное звено. У них есть четкая, ясная цель — счастье всех людей — и вера в ее достижение. При этом сами они в любых конкретных ситуациях люди высокой нравственной позиции.

— «Быть коммунистом, во всем — вот гуманизм нашего времени» — это строки украинского поэта Ивана Драча.

— Вот именно. Поэтому и мне хотелось у этих героев показать их доверчивость к жизни, людям, просто их доброту.

— По своему делу — театрального критика — знаю, как бывает мучительно трудно проникнуть в актерский, режиссерский замысел. Процесс это сложный и ответственный. Но вот приходит в театр просто зритель. Вправе ли мы с него спрашивать умение вникать в тонкости театрального действия?

— Если тончайший замысел не доходит до зрителя, то зачем тогда нужен этот спектакль? Не понимаю, когда режиссер, чтобы оправдать себя, говорит: «Спектакль у меня интересный, просто зритель не проник в его замысел». Ерунда. Конечно, зритель не профессиональный критик, но чувствами, сердцем он должен «докапываться» до всех глубин актерского и режиссерского замысла, иначе театр лишается своего смысла. Когда я бываю в зрительном зале, то мне не хочется решать ребусы и загадки, которые часто присутствуют на сцене, я должен волноваться, переживать, страдать и сочувствовать. Верю, что зрителю дано тоже счастье вникать в замысел спектакля, что и профессиональному критику, но у простого зрителя для этого свой путь. Он думает сердцем.

— Как вы относитесь к театральному этикету? Недавно в журнале «Театр» известный критик В. Лакшин с грустью писал, что из театра постепенно исчезает не только занавес, но и антракты, театральные буфеты, где можно выпить сладкой воды и обменяться с друзьями впечатлениями, ис-

чезают даже аплодисменты [на программках некоторых спектаклей значится: «По окончании просьба не аплодировать!»]

— Играл я однажды в спектакле без аплодисментов. Это был шефский утренник. Кто-то из руководителей культпохода «предупредил» своих зрителей: «Смотрите, в зале ведите себя тихо». И вот полный зал людей — и тишина. Это была огромная мука доиграть спектакль до конца. Театр жив волнением, свободным дыханием зрительного зала. Поэтому нужны, конечно, и антракты, и разговоры в фойе, в буфете. А еще в театре есть — должно быть! — таинство. В зал на один спектакль московского театра надо было всем зрителям пройти через сцену. Я не люблю этого. И занавес мне бывает нужен, бывает нет, но надо, чтобы было очарование, это мгновение, неожиданность, когда гаснет свет, начинается спектакль, который еще весь впереди, как прекрасная, зовущая тайна. В театре играют — актеры и немножко зрители.

— Установилась своеобразная неписаная традиция: в конце любого интервью творческий работник рассказывает о своих планах.

— Новые роли готовлю. Уваров, такой современный деловой человек из инсценировки романа Д. Гранина «Картина», пристав Кирик из инсценировки горьковской повести «Трое».

Но все же больше всего по-прежнему хочется сыграть характер сильный, современный. Не за горами, скажем, Всероссийский фестиваль драматургии, спектаклей, посвященный рабочей, производственной теме. Пьес на эту тему множество, но вот что заметно. Я несколько лет тесно связан с бригадами отличных рабочих кузнецов-автозаводцев А. И. Огнева, Д. Г. Карцева и Б. Н. Нестерова. Это красивые люди. Сколько у них граней, оттенков в характерах, какой широкий диапазон жизненных интересов. Я не говорю еще и о том, как они прекрасно работают. В сегодняшней же драматургии рабочий человек представлен намного обедненнее, смехачичнее. Поэтому артист всегда ждет — хорошую пьесу, роль, а потом, взволнуется ли зрительный зал.

А. АСЕВСКИЙ,
наш корр.

